

Аѳанасій Аѳанасьевичъ
Фетъ

ДВѢ ЛИПКИ
Поэма

ДВѢ ЛИПКИ.

И. С. Тургеневу

I.

Близъ рощи, на пригоркѣ, сѣрый домъ,
Въ полуверстѣ отъ рѣчки судоходной,
Стоить лѣтъ сорокъ. Нынче пустырёмъ
Онъ сталъ смотрѣть, угрюмый и негодный:
Срубилъ рощу на дрова кругомъ,
Не находя её статьёй доходной,
По трубамъ галки, ласточки въ окошкахъ
И лопухи на англійскихъ дорожкахъ.

II.

Семь крышъ, одна причудливѣй другой,
Вамъ говорятъ про барскія затѣи.
Домъ этотъ прежде флигель былъ простой;
Понадобились залы, галлерей,
И въ дѣвичью сталъ нуженъ входъ другой, —
Не обошлось и безъ оранжереи;
Однако вкусъ былъ, на манеръ столичный,
Во всёмъ фасадѣ сохранёнъ отличный.

III.

Помѣщикъ Русовъ не любилъ дремать:
Служилъ въ гусарахъ, ротмистра дождался,
Женился по любви лѣтъ въ сорокъ пять
И всей душой къ хозяйству привязался:
Сталь горы рыть, пошѣлъ пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся,
Всѣмъ уяснилъ значеніе капусты, —
У самого жъ карманы стали пусты.

IV.

Въ поляхъ съ утра до вечера верхомъ.
Никто не смѣлъ въ лѣсу сорвать орѣха.
Самъ полевымъ онъ хвастался конёмъ:
Уже, бывало, не пройдѣтъ огрѣха:
На рыхлой пашнѣ ткнѣтся — и хлыстомъ
Не перегонишь — и пошла потѣха:
«Чей это клинъ?» Приводятъ на расправу
Виновнаго и угостятъ на славу.

V.

А всё ты милъ мнѣ, сѣрый, ветхій домъ,
Съ твоею кровлей, странной, кособокой.
Такъ иногда надъ полустгнившимъ пнѣмъ
Припоминалъ я осенью глубокой
Весенній вечеръ, прожитой вдвоёмъ
Подъ грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминалъ несбыточные грѣзы,
И на глазахъ навѣртывались слѣзы.

VI.

Почти три года съ той поры прошло,
Какъ Русовъ нашъ женился на Наташѣ.
Не знаю, что съ ума её свело
Въ восемнадцать лѣтъ. Тутъ дѣло ужъ не наше.
Её невольно къ Русову влекло,
Для ней онъ былъ умнѣе всѣхъ и краше,
Ей Ваня дорогъ съ головы до пятокъ, —
А Ванѣ скоро на шестой десятокъ!

VII.

Какъ Русовъ гордъ и свѣжъ! Считать лѣта —
Ребячество смѣшное, даже дѣтство.
Въ мужчинѣ воля — лучшая черта,
У избранныхъ семейное наслѣдство.
«Да, Русовы — счастливая чета», —
Такъ въ первый годъ рѣшило всё сосѣдство.
Сталъ изрѣдка онъ дома какъ-то скучень, —
Но сплинъ съ семейнымъ бытомъ неразлучень.

VIII.

Тотъ понялъ жизнь съ превратной стороны
И собственное горе приумножить,
Кто требуетъ всей жизни отъ жены,
А самъ ничѣмъ пожертвовать не можетъ.
Мы, безъ любви, любовью стѣснены;
Чужой порывъ холоднаго тревожить.
Всё станетъ жертвой: слышать друга, видѣть, —
И сердце начинаетъ ненавидѣть.

IX.

Наташа смутнымъ чувствомъ поняла,
Что мужнинъ глазъ судья ей безпристрастный.
У старика-отца она была
Въ дому хозяйкой полной, самовластной.
Какъ май тиха, какъ птичка весела,
Она отца душой любила страстной.
Больной старикъ не могъ быть равнодушенъ
И, какъ дитя, во всёмъ ей былъ послушенъ.

X.

Въ одномъ лишь съ ней онъ мнѣнїи разныхъ былъ
И утверждалъ, что Русовъ ей не пара.
Какъ онъ сердился, какъ её молилъ
Не выходить за бойкаго гусара!
Ей онъ, конечно, этотъ шагъ простилъ,
Но самъ, бѣднякъ, не перенёсъ удара
И скоро умеръ. Горькая утрата, —
Но Натали́ послало небо брата.

XI.

Онъ годомъ старше былъ. Они росли,
Учились вмѣстѣ и сходились нравомъ.
Чѣмъ больше развивалась Натали́,
Тѣмъ меньше предавался братъ забавамъ.
Къ сестрѣ всѣ чувства юношу влекли.
Онъ видимо гордился нѣжнымъ правомъ,
Когда другіе ловятъ взглядъ сестрицы,
Ей цѣловать и брови и рѣсницы.

ХII.

Грѣшно сказать, чтобъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ
Замужества Наташа тосковала,
Иль Русовъ съ нею холоденъ былъ: нѣтъ,
Онъ о женѣ заботился сначала,
Самъ ей убралъ уютный кабинетъ,
Съ улыбкой слушалъ, какъ она мечтала
Въ дому порядкомъ замѣнить избытокъ,
И жемчугу ей подарилъ пять нитокъ.

ХIII.

Въ душѣ Наташи крылись сѣмена
Стремленій свѣтлой, избранной природы.
Быть-можетъ, ихъ взлелѣяла бѣ она
На доброй почвѣ счастья и свободы:
Дочь нѣжная и страстная жена
Была сидѣть готова съ мужемъ годы
Глазъ-на-глазъ, лишь бы то, что онъ хотъ мало
Привыкъ цѣнить, любимца окружало.

ХIV.

Придѣтъ ли къ ней, бывало, онъ сердить,
Иль рѣзкостью бѣдняжку озадачить, —
Наташа всё, что въ сердцѣ закипитъ,
Съ болѣзненно-отраднымъ чувствомъ спрячетъ,
Какъ будто, улыбаяся, смолчить,
А утро всё одна потомъ проплачетъ;
Но въ часъ обѣда и глаза не красны,
И локоны душисты и прекрасны.

XV.

Прошло три года. Птичкѣ молодой
Несносна стала золотая клѣтка.
Чѣмъ менѣе бываетъ правъ иной,
Тѣмъ онъ охотнѣй въ жертву цѣлится мѣтко;
Такъ Русовъ, насмѣхаясь надъ женой,
Давалъ понять, что ты-де вотъ поэтка:
Замашку эту видѣть было въ мужѣ
Всего на свѣтѣ для Наташи хуже.

XVI.

Но время шло. Былъ чудный вешній день, —
Одинъ изъ тѣхъ, что въ сердцѣ льетъ тревогу, —
Балконъ раскрытъ, и сладостная лѣнь
Наташей овладѣла понемногу.
Вдругъ зазвенѣло въ роцѣ, и, какъ тѣнь,
Сѣдая пыль шибнула на дорогу,
Вотъ ближе, ближе, подъ крыльцо... «Ахъ! Саша!» —
И брата съ воплемъ обняла Наташа.

XVII.

Какъ передать безсвязный разговоръ,
Живой восторгъ того или другого?
Что скажетъ звукъ, движенье или взоръ,
Упрямое не перескажетъ слово.
Но вотъ и Русовъ самъ спѣшитъ во дворъ,
Объѣхавши посѣвы ярового.
Онъ, видимо, радъ жениному брату, —
Хитритъ некстати старому солдату.

XVIII.

Дня черезъ два по новымъ колеямъ
Жизнь Русовыхъ тихонько покатилаь.
Наташа свѣтлымъ чувствамъ и мечтамъ
При братъ предаваться не стыдилась,
Внимательнѣй къ женѣ сталъ Русовъ самъ,
Какъ будто ревность въ нёмъ зашевелилась:
Сговорчивъ, милъ, въ лицѣ ни тѣни скуки —
И всё цѣлуетъ у Наташи руки.

XIX.

Какъ упивались маемъ братъ съ сестрой,
Когда лѣса слегка позеленѣли,
И сталъ туманъ качаться надъ рѣкой,
А соловьи въ черёмухъ запѣли!
Всю ночь, бывало, по тропѣ лѣсной
Вдвоёмъ проходятъ безо всякой цѣли.
Къ объѣду вновь и планы, и рассказы,
И ландышей на столикѣ двѣ вазы.

XX.

Спѣшать зарёю резеду полить,
Дорожку дальше вывести за куртеной,
Иль двѣ-три клумбы новыхъ очертить,
Пока не кликнетъ голось соловьиный.
Ещё съ приѣзда Саша посадить
Успѣлъ двѣ липки подъ окномъ гостиной:
Ему сама Наташа помогала
И молодые корни поливала.

XXI.

Какъ странень Русовъ! Точно самъ не свой,
Какъ будто чѣмъ-то сдержаннымъ томится:
Уступчивъ, шутить ласково съ женой
И съ братомъ миль, — но вдругъ проговорится,
Съ улыбкой судъ произнося такой:
«Нѣтъ, господа, цвѣтникъ вашъ не годится:
Всё это выйдетъ даже слишкомъ бѣдно.
Но что жъ? Напрасно, да зато безвредно».

XXII.

Проговорить — и видно по всему,
Что человекъ въполнѣ собой доволенъ
И собственному явно радъ уму,
Хоть умъ его, разливомъ желчи боленъ,
Относитъ ко внушенью своему
Такой порывъ, въ которомъ онъ не воленъ.
Понявъ намѣкъ подобный, братъ съ сестрой
Внимательнѣе смотреть за собой.

XXIII.

Настало лѣто. Грустно сознавать,
Какъ быстро миновалось это лѣто.
Быть-можетъ, въ жизни ужъ ничѣмъ опять
Не будетъ сердце нѣжно такъ согрѣто!
Весной придѣтся брата провожать, —
Когда-то вновь увидишься и гдѣ-то?
Пришла зима и съ ней катанья, чтенья, —
А Русовъ сталъ щедрѣй на поученья.

XXIV.

Бывало, вешнихъ золотыхъ лучей
Наташа втайнѣ ждѣтъ и не дождѣтся:
«Да скоро ль этотъ снѣгъ сойдѣтъ съ полей?
Когда у насъ Святая-то придѣтся?»
Спѣшить окошко выставить скорѣй,
Увидить свѣжій дѣрнѣ — и улыбнѣтся:
Теперь, какъ взглянетъ за окно порою,
Совсѣмъ къ канвѣ приникнетъ головою.

XXV.

А всё пришла тяжѣлая пора.
Въ далёкій путь уже собрался Саша.
«Богъ дастъ, опять увидимся, сестра:
Судьба, быть-можетъ, улыбнѣтся наша!
А такъ я не поѣду со двора...
Ну, полно плакать, добрая Наташа!
Я отъ тебя дождусь-таки улыбки:
Смотри, какъ наши распустились липки».

XXVI.

И братъ уѣхалъ. Сколько было слѣзъ,
Когда четвёрка унесла коляску!
Казалось, братъ съ собою всё увѣзъ:
Домашній миръ, веселіе и ласку.
Ходить сталъ Русовъ, раздувая носъ,
Молчалъ съ женой, слугамъ давалъ острастку
И, чтобъ, пожалуй, не покончить драмой,
Пускалъ въ Наташу злою эпиграммой.

XXVII.

Прогнать стараясь нестерпимый сплинъ,
Хозяйничать Наташа стала тупо
И сто упрёковъ слушать въ день одинъ:
То Русовъ скажетъ, что нельзя ѣсть супа,
То он не Ротшильдъ, то не мѣщанинъ,
То слишкомъ расточительно, то скупо.
«Да кто велѣлъ? — слугѣ онъ повторяетъ: —
Кто?» — «Барыня-с». — И онъ при ней вздыхаетъ.

XXVIII.

А между тѣмъ всё время шло да шло,
И будущность отрады не сулила.
И говорить и вспомнить тяжело,
Что бѣдная жена переносила.
И ни къ чему страданье не вело:
Наперекоръ уму она любила.
Любовью можно всё исправить въ мужѣ,
А тутъ, что годъ, что новый день, то хуже.

XXIX.

Какъ разгадать? Что дѣлать? Чѣмъ помочь?
Но въ этотъ годъ само пришло спасенье. —
Богъ сжалился: послалъ Наташѣ дочь.
Какой восторгъ! Какое утѣшенье!
Мать отъ малютки не отходитъ прочь
И караулитъ каждое движенье,
Шьётъ, крошечной любитъся одеждой,
И выхитрила дочь назвать Надеждой.

XXX.

Спѣшить супруга чаемъ напоить
И, какъ-нибудь расчёты дня улады,
Уйдётъ къ себѣ малютку тормошить,
Иль сладко плачетъ, на ребѣнка глядя:
«Скажи: ты будешь ли меня любить,
Моя красотка, тихій ангель, Надя?
Нѣтъ, не меня, — промолвить вдругъ уныло: —
Люби отца, какъ я его любила».

XXXI.

Хлопочеть Русовъ больше съ каждымъ днёмъ, —
Прошенья пишетъ, счёты да замѣтки.
Въ чужомъ имѣньи сталъ опекуномъ:
Осталася вдова да малолѣтки.
День цѣлый ѣздитъ по полямъ верхомъ
Или живётъ недѣлю у сосѣдки.
Сосѣдка — другъ Наташи, безъ сомнѣнья,
И въ именины шлётъ къ ней поздравленья.

XXXII.

Въ дому угрюмъ, въ гостяхъ умѣнь и миль,
По мнѣнию всѣхъ былъ Русовъ мужъ прекрасный.
Жалѣли только, что себя стубиль
Женитьбой онъ неровной и напрасной.
Межъ тѣмъ Наташа выбилась изъ силъ
И ревностью измучилась ужасной.
Болѣзни быстро развились зачатки:
Мигрень, тоска, истерики припадки.

XXXIII.

Сѣдѣть сталъ Русовъ, хотѣ ещё далѣкъ
Отъ дряхлости. Пошло хозяйство худо.
Онъ говорилъ, что всё, что могъ, извлѣкъ,
Да помощи не видитъ ниоткуда.
А Наденькѣ пошѣлъ седьмой годокъ,
И дѣвочка — безъ прибавленья — чудо.
Её сама Наташа учить въ дѣтской
По азбукѣ французской и нѣмецкой.

XXXIV.

Шесть лѣтъ — ещё велики ли года?
Немного мать извѣдала отрады!
Къ иному какъ привяжется бѣда,
Такъ отъ нея не жди себѣ пощады:
Сталъ Русовъ, послѣ долгаго труда,
Кидать на дочь задумчивые взгляды...
«Ты рада ль, Надя, что пришѣлъ папаша?» —
«Какъ дочь онъ любить!» — думаетъ Наташа.

XXXV.

«Пора бы намъ подумать и о ней:
Я самъ учить никакъ её не стану.
Ты всё больна, а брать учителей
Хотя бь желалъ, да мнѣ не по карману,
И не согласенъ я никакъ дѣтей
Довѣрить незнакомому болвану.
Я лучше Надю — вотъ моё рѣшенье —
Въ казѣнное пристрою заведенье».

XXXVI.

Ни слёзы, ни мольбы не помогли:
Весною дочь въ карету посадили
И по дорогѣ къ роцѣ повезли.
Глаза Наташи Надю проводили...
Просилась мать до станціи: нашли,
Что будетъ вредно ей, — и не пустили.
Наташа долго на крыльцѣ стояла,
Потомъ пошла, шатаясь, и упала.

XXXVII.

Прошло ещё лѣтъ восемь. Старъ и хилъ
Сталъ въ это время Русовъ очевидно,
А хлопотать попрежнему любилъ
И за обѣдомъ кушалъ онъ завидно,
Но по хозяйству съ костылёмъ ходилъ,
Хоть говорилъ шутя, что это стыдно.
Быть-можетъ, и дворовые стыдились, —
Что, барина завидя, сторонились?

XXXVIII.

Наташа стала до того слаба,
Что цѣлый день почти уже лежала.
Довольно длилась трудная борьба,
Довольно мукъ бѣдняжка испытала.
Теперь во всёмъ покорная раба,
Наташа мужу и не возражала.
Онъ къ ней войдѣтъ, присядетъ у постели
И дома не бываетъ три недѣли.

XXXIX.

Быль лѣтній вечеръ и такая тишь,
Что, распахнувъ окно, Наташа съла.
Надъ цвѣтникомъ носился чѣрный стрижь,
И поздняя пчела вокругъ вѣтки пѣла.
«Какъ хорошо! О, Господи, услышь
Мои мольбы: я только бы хотѣла
Увидѣть Надю и проститься съ нею.
Другого счастья и просить не смѣю».

XL.

Задумалась Наташа подъ окномъ:
За рощею румяный день уходитъ.
Верхушки липъ въ сѣяньи золотомъ,
И Русова съ любимцевъ глазъ не сводить.
Но вотъ садовникъ прямо съ топоромъ
И лѣстницей къ одной изъ нихъ подходитъ.
«Что это ты, Степанъ?» — «Да уѣзжали,
Такъ эту вотъ срубить мнѣ приказали».

XLI.

«Кто приказаль?» — «Извѣстно, баринъ самъ, —
Отвѣтилъ ей Степанъ, не скрывъ улыбки: —
А потрафлять должны мы господамъ».
— «Да быть не можетъ! Нѣтъ ли тутъ ошибки?»
— «Помилуйте-съ! Докладываю вамъ,
Изволили сказать: у этой липки
Ты отъ земли сруби на два аршина;
Ослушаться нельзя намъ господина».

XLII.

Подъ сукъ подставивъ лѣстницу въ упоръ,
Полѣзъ Степанъ и плюнулъ въ горсть сначала.
Сталь, мѣрно въ стволъ звеня, стучать топоръ,
И стройная верхушка задрожала.
Ушла Наташа прочь, потупя взоръ,
И какъ упала липка, не слыхала.
Попутру рядомъ съ липою густою
Стояль обрубокъ, залитой смолою.

XLIII.

И Русова немало удивилъ
Такой исходъ приказа господина.
Степана онъ позвалъ и разбранилъ:
«Вѣдь я тебѣ, безмозглая осина,
Довольно ясно, кажется, твердилъ,
Чтобъ снизу сучья снять на два аршина!
Но дерево вѣдь дѣло наживное:
Одно пропало, — посажу другое».

XLIV.

И точно, первой раннею весной,
Чтобъ не смущаться глупою ошибкой,
На дрогахъ онъ велѣлъ со всѣмъ, съ землёй,
Привезть какой-то стволъ съ макушкой гибкой,
А вслѣдъ затѣмъ, увидѣвшись съ женой,
Сказалъ: «Теперь опять ты будешь съ липкой».
— «Благодарю. Но вотъ моя примѣта:
Ты — липка та, здоровая, я — эта»...

XLV.

И не могли больную убѣдить
Ничѣмъ, что это предразсудокъ странный.
За жизнью липки молодой слѣдить
Она въ тревогѣ стала постоянной.
Хотѣлось ли самой, бѣдняжкѣ, жить,
Иль съ дочерью увидѣться желанной, —
Но каждый разъ, когда на липку взглянетъ,
Ей кажется, что съ ней она увянетъ.

XLVI.

Иныя странно дѣйствуютъ слова:
Услышишь ихъ, и сердце вдругъ сожмѣтся.
Ещё хирѣла липка года два:
Придѣтъ весна, и почка вся нальѣтся,
А тамъ и листь, но такъ, едва-едва
На солнышкѣ и съ боку развернѣтся...
Ещё весны отрадная улыбка —
Но въ этотъ разъ не распустилась липка.

XLVII.

А въ сѣромъ домѣ, въ залѣ, подѣ парчой,
Закрывъ глаза, въ гробу спала Наташа,
И Русовъ самъ, съ поникшей головой,
Твердилъ, что воля Божья, а не наша.
Онъ говорилъ, что въ жизни ни одной
Ещё усопшей не запомнить краше.
Казалось, точно, что она простила
Всѣмъ въ мѣрѣ, всѣмъ — и, кроткая, почила.

XLVIII.

Въ оградѣ церкви, съ сѣверныхъ дверей,
Тамъ, гдѣ къ землѣ склонилась грустно ива,
Лежитъ плита и золотомъ на ней:
«Покойся, другъ» написано красиво.
Холмъ ниже всѣхъ ввалился, и дружнѣй
Растётъ на нёмъ засѣвшая крапива.
Когда, крестясь, народъ валитъ къ кладбищу,
Никто нейдётъ къ Наташину жилищу.

XLIX.

А сѣрый домъ, угрюмый и пустой,
Стоитъ давно съ безмолвіемъ гробницы.
Онъ только оживляется весной,
Когда въ него таскаютъ гнѣзда птицы.
Балконъ скривился, тонкою травой
Замѣтно прорастаютъ половицы,
Ступени шатки, и перила зыбки,
И нѣтъ ни новой, нѣтъ ни старой липки.